

УДК 94(47).02

КОРСУНСКАЯ ЛЕГЕНДА: ПИСЬМЕННОЕ И УСТНОЕ

© 2020 г.

А.М. Введенский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

3103104@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2019

На основании положения энклитики *ся* относительно глагола рассматривается текст Корсунской легенды, читающийся в Новгородской первой и Лаврентьевской летописи под 988 годом. Исходя из различного употребления энклитики высказывается гипотеза о гетерогенном происхождении разных частей легенды.

Ключевые слова: Корсунская легенда, энклитика *ся*, Древняя Русь, летописание, Повесть временных лет.

Источниковедение истории Древней Руси, особенно летописной части, всё более смещается в сторону филологических процедур. Они позволяют добиваться чётких индикаторов подтверждения одних классических источниковедческих гипотез и отсеивания других. В первую очередь это касается нарративных текстов летописей, поставляющих основной массив сведений по политической и событийной истории Древнерусского государства. Именно наблюдения за грамматическими конструкциями повествований дают возможность уточнять и корректировать версии их происхождения, авторства, целей создания и бытования. Как следствие, учёные получают инструмент, отделяющий относительно достоверное известие от его нарративизации и приращения смыслов. В этой статье представлен опыт подобного исследования так называемой Корсунской легенды (статья 988 г.) через анализ употребления в ней энклитики *ся*.

Как показал А.А. Зализняк на примере прямой речи нецерковных персонажей, находящейся в тексте Киевской летописи, высокий процент препозитивного употребления *ся* свидетельствует об устном происхождении данных речей. Авторская же речь летописца характеризуется высокой частотностью постпозитивного расположения данной энклитики [1, с. 55]. Вслед за исследованием А.А. Зализняка автор этой статьи пришёл к сходным выводам, рассмотрев распределение энклитики *ся* в позиции относительно глагола в «Повести временных лет» (далее ПВЛ) [2, с. 50–56].

Для ПВЛ (за исключением «Поучения Владимира Мономаха») характерно постпозитивное употребление данной энклитики. В 86% употреблений интересующая энклитика располага-

ется после глагола, и только в 14% случаев энклитика предшествует в предложении глагольным формам¹. Однако некоторые сюжеты ПВЛ имеют показатели по этому параметру, далёкие от статистических. К примеру, в сюжете о белгородском киселе, в сказании о юноше кожемяке, в новгородской части легенды об Андрее Первозванном постпозитивное употребление энклитики не встречается – 100% препозиция.

Очевидно, что такие экстремы маркируют устное происхождение этих сюжетов, так как препозиционное употребление *ся* характерно для устного дискурса, о чем свидетельствуют данные новгородских берестяных грамот домонгольского периода – в них постпозиция встречается в 23% случаев [3, с. 195].

Несмотря на то что число фрагментов в ПВЛ, в которых препозиция имеет высокую частотность, незначительно, выделенные сюжеты по этому показателю следует отнести к устным источникам летописца. Однако высокая частотность постпозиции энклитики *ся* может свидетельствовать и о письменном происхождении летописного источника или ориентации составителя летописи на книжную норму в изложении какого-либо сюжета. Это, вероятно, говорит об изменении летописцем известного ему из устных источников рассказа по письменным канонам. В таком случае определить структуру первоначального устного свидетельства (если оно имело место) можно только схематично, так как оно будет в корне отличаться от летописной записи.

Ярким примером письменного по происхождению текста, входящего в текст ПВЛ, является «Речь философа». В ней на 60 постпозиционных употреблений *ся* приходится лишь 2 препозиции данной энклитики, т. е. 3.2%. Несмотря на сложный статус «Речи философа» в тексте

ПВЛ, практически все исследователи рассматривают его как компилятивный памятник, составленный на основании письменных источников [4; 5, с. 146–147; 6, с. 330–332; 7; 8]. Мнение, согласно которому в основе «Речи философа» лежат устные свидетельства, в историографии не встречается. Наблюдения над энклитикой *ся* в «Речи философа», как правило, лишь используются для подтверждения тех или иных мнений исследователей.

Ниже приведён весь текст легенды по Комиссионному списку Новгородской первой летописи с указанием препозиции и постпозиции энклитики *ся* в тексте²:

«Иде Володимиръ въ силѣ велицѣ на Корьсунь, град грѣческыи, затворишася, корьсуняне въ градѣ. И ста Володимиръ об онъ полъ града в лименѣ, вдале града единаго, стрѣльща; и боряху крѣпко гражданѣ. Володимиръ же обьстояше град. Изнемогаху людие въ градѣ, и рече Володимиръ ко гражданамъ: «Аще (1) **ся** не **вдасте**, имамъ стояти здѣ за три лѣта». Они же не послушаша того. Володимиръ же изьряди воя своя, и повелѣ сути приспу къ граду. Сим же спустимъ, корьсуняне подкопавше стѣну градную, крадыху сыплемую прѣсть и ношаху к собѣ въ град, спущае посередѣ града. Вои же присыпаху боле. Володимиръ стояше. И се мужъ корьсунянинъ стрѣли, именемъ Анастасъ, и написавъ сиче на стрѣлѣ: «Кладяже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идет по трубѣ, копавъ, переими». Володимиръ же слышавъ, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще (2) **ся** се **сбудет**, имамъ (3) **ся крестити**». И ту абие повеле копатѣ преку трубы, и переняша воду, и людие изнемогаша жаждою водною, и предашеся. И вниде Володимиръ въ град и дружина его.

И посла Володимиръ, рекъ цесарема Василию и Костянтину, глаголя сиче: «Се градъ вашъ славныи възях, слышу же и се, яко сестру имѣета дѣвою, да аще ея не вдасте за мя, се сътворю граду вашему, якоже и сему створих». Сия же глаголы слышавша цесаря, печална быста. Воздаста вѣсть Володимиру, сиче глаголюща: «Недостойтъ крестияномъ за поганя даяти, аще ли (4) **ся крестиши**, то и се получиши, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши, аще ли сего не хочещи створити, не можемъ дати сестры своя за тя».

Си слышавъ Володимиръ, рче посланнымъ от цесарю: «Рѣцѣта цесарема тако: яко **крещуся** (1*), яко испытахъ преже днии сихъ законъ вашъ, есть ми любовь, и вѣра ваша и служение, еже ми повѣдаша послании нами мужи». Си слышавша цесаря, ради быста, и умолиста сестру свою, именемъ Анну, и посласта к Володи-

меру, глаголюща: «Крестися, тогда после вѣ к тобѣ сестру свою».

И рче Володимиръ: «Да пришедши, крестите мя, съ сестрою вашею – [единовѣрникъ хошу быти]». Они же цесарѣ, послушаста словесѣ сего и послаша к нему сестру свою Анну и савновники нѣкыи и прозвутеры. Она же не хотяще ити: «Яко в поганя, рече, иду. Лучше бы мнѣ здѣ умерети». И глаголаше ей братья: «Егда како тобою обратитъ Богъ Рускую землю в покаяние, а Гречскую землю избавиши от лютыя работы, видѣши бо, колико Русь сътвориша грѣкомъ зло. И нынѣ, аще не идеши, тоже имут створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, всѣдѣши в кубару, и цѣловавши ужики своя с плачемъ, и поиде чресъ море. Якоже пришедши къ Корьсуню, излѣзоша корьсунянѣ из града, и приидоша на брегъ, и поклонишася цесарици, и введоша ю въ градъ, и посадиша и в полатѣ.

По божию же строю в се время **разболѣся** (2*) Володимиръ очима, и не видяше ничто же и тужаше велми, и не домышляше, что створити. И посла к нему цесарица, сиче глаголюща: «Аще хочещи избыти болезни сея, то въскоре **крестися** (3*). Аще ли не **крестишися** (4*), то не имаше избыти сего. Си слышавъ Володимиръ, рче: «Да аще се истина будетъ, то по истинѣ великъ Богъ крестиянскъ». И повелѣ **креститися** (5*). Абие епископъ корьсуньскыи с попы, огласивъ, крести Володимира, яко възложи руку на нь, и абие прозрѣ. Видѣ же се Володимиръ напрасно исцѣление, прослави Бога, рекыи: «То перво увидех бога истиннаго». Се же видѣвше дружина его, мнози **крестишася** (6*).

Крести же *ся* въ церкви святого Василиска, и есть церкви та, стоящи в Корьсунѣ на мѣстѣ посередѣ града, иже корьсунянѣ торгъ деют. Полата же Володимира въскрай церкви стоить и до сего дни, а царицина за олтаремъ есть и до сего дни.

По крещению приведе цесарицу на брачение. Се же, не вѣдуще право, глаголють, яко **крестился** (7*) есть въ Киевѣ, инѣ же рѣша – в Василевѣ, друзии же инако сказающе. И крещену же Володимиру, и преда вѣру крестиянскую, глаголюще сиче...» [9, с. 150–152].

Далее в летописном тексте читается символ веры и антилатинское наставление.

Как можно заметить, сюжет о слепоте Владимира в корне отличается от повествования о захвате Корьсуни. В рассказе о слепоте князя 5 из 5 употреблений энклитики *ся* приходится на постпозицию, в захвате же Херсонеса у нас обратная ситуация – 3 из 3 употреблений – препозиция. Отрезок текста между этими двумя сюжетами – история о сватовстве Владимира к сестре императоров и ее приезд в Корьсунь – не показателен в отношении интересующего нас

распределения. Одна препозиция приходится на одно постпозиционное употребление частицы *ся*.

Что же касается сюжета о взятии Корсуни (до слов: «И вниде Володимеръ въ град и дружина его»), то препозиция энклитики *ся*, на наш взгляд, указывает на устное происхождение начальной части летописной статьи 988 года.

Сюжет же о слепоте Владимира и его исцелении после крещения, наоборот, не является по происхождению устным сказанием в той форме, в которой его зафиксировал летописец, о чем свидетельствует постпозитивное употребление энклитики в 100% случаев.

Как показывают текстологические наблюдения за Корсунской легендой, два ее фрагмента, которые нас интересуют, отличаются не только своим происхождением, но и временем появления в летописном тексте.

А.А. Шахматов в своем исследовании показал, что древнейший летописный свод «времен Ярослава» «не связывал крещение Владимира с походом на Корсунь и сообщал об этом походе как о случившемся на третье лето по крещении» [10, с. 363]. Текст «Корсунской легенды» впервые читается в Начальном своде, который «появился в конце XI в. или в самом начале XII в.». Как считал исследователь, её текст был основан на «возникшей в Киеве в конце XI в. повести о крещении Владимира» в Корсуне [10, с. 363].

М.Д. Приселков относил создание «Корсунской легенды» к 1090–1095 гг., так как считал, что она не могла появиться раньше составления «Жития Антония», создание которого исследователь относил к 1089 году [11, с. 274–279].

Д.С. Лихачев прозорливо отметил, что текст «Корсунской легенды» впервые появился в летописном своде 1070-х гг., предшествующем Начальному своду. По мнению исследователя, «Корсунская легенда» являлась одним из тех северночерноморских преданий, которые записал Никон – составитель свода 1070-х гг., находясь в Тьмутаракани [6, с. 458]. А.А. Гиппиус также считает, что корсунский рассказ о крещении Владимира появился в Своде 1070-х гг. А.А. Гиппиус выделяет лингвистические характеристики текста, свидетельствующие о вторичности легенды о походе на Корсунь в летописи. Исследователь обратил внимание на модель смены предикаций в нарративе. Для первоначального летописного текста (Древнейшего свода) не характерен способ смены предикации: Агенса + же + предикат. А такая модель как раз характерна для «Корсунской легенды», которая заменила первоначальный рассказ о крещении Владимира в Киеве.

Правда, А.А. Гиппиус показывает неоднозначность «Корсунской легенды». В ней, на его

взгляд, обнаруживаются интерполяции, принадлежащие составителю свода 1090-х годов, так как и НПЛ, и ПВЛ содержат сходный текст (то есть в ПВЛ дополнения относительно текста Начального свода не обнаруживаются). По мнению исследователя, в своде 1090-х гг. легенду расширили за счет эпизода о болезни Владимира в Корсуне, последующим за ним символом веры и антилатинским наставлением [12].

А.А. Гиппиус трактует антилатинский пассаж «Корсунской легенды» как вставку из-за связи его с подобной филиппикой в «Речи Философа», где наблюдается порча текста под воздействием интересующего нас пассажа. В своей речи византийский философ сообщает о католиках, что «ихже вера маломъ с нами развращена, служат бо опресноки, рекше оплатки, ихже Богъ не преда, но повеле хлебомъ служити» [13, с. 86]. Антилатинский же пассаж «Корсунской легенды» начинается со слов: «Не преимаи же ученья от латынь ихже вера ученье развращено» [13, с. 114].

Два разобранных выше пассажа, безусловно, связаны между собой. Однако в «Речи Философа» фраза «ихже вера маломъ с нами развращена», по справедливому замечанию Гиппиуса, «аномальна как в смысловом отношении (что значит «немного испорчена?»), так и лингвистически (необычное управление глагола)» [12, с. 20].

Изначально, по мнению А.А. Гиппиуса, это фраза звучала как *«их же вера маломъ с нами различь», но под влиянием антилатинского пассажа «Корсунской легенды» претерпела изменения. Наличие вторичного, испорченного текста в «Речи Философа», который сам появился только в своде 1070-х гг., свидетельствует, по Гиппиусу, о появлении антилатинского наставления «Корсунской легенды» уже в Начальном своде [12, с. 20].

Если предположение А.А. Гиппиуса о появлении антилатинского пассажа, символа веры и сюжета об ослеплении Владимира на этапе составления Начального свода, справедливо, то перед нами весьма интересная картина. Символ веры и антилатинский пассаж, безусловно, относятся к творчеству летописца, использовавшего письменные источники для составления данных текстов и/или конструировавшего при их помощи собственный текст. Диктат письменного текста подтверждается отсутствием препозиции энклитики *ся* в антилатинском пассаже и символе веры. Постпозиция энклитики обнаруживается во всех случаях кроме одного – в завершающей символ веры фразе: «Прокляша, иже *ся* не поклонят иконамъ», которая явно имеет эмоциональную окраску и принадлежит самому составителю летописи.

Таким образом, текст о слепоте Владимира и его прозрении сближается с антилатинским пассажем и символом веры, не только по времени появления в летописном тексте, но и по характеру употребления энклитики *ся*, что свидетельствует об обработке составителем Начального свода первоначального текста «Корсунской легенды» с опорой на письменные источники.

На наш взгляд, история о потере и обретении зрения Владимиром в результате крещения – это сюжет, в метафоричной форме рассказывающий о важности крещения, так как под слепотой Владимира подразумевается слепота духовная, а прозрение – символ духовного прозрения человека, принявшего христианство. Скорее всего, подобную структуру сюжета летописец почерпнул из какого-нибудь византийского письменного источника, приписав ее Владимиру.

Следует отметить, что конструирование летописцем сюжета о слепоте Владимира не отменяет существование какого-то устного нарратива об этом событии, который мог стать отправной точкой для летописного рассказа.

Однако постпозиционное расположение энклитики *ся* свидетельствует о том, что если и существовало устное предание о слепоте Владимира, что маловероятно, его структура останется для нас загадкой, так как составитель летописи скорее всего полностью его переделал в процессе составления своего рассказа под влиянием письменного образца.

Гетерогенность «Корсунской легенды», сплетённой из устного/устных преданий и памятников литературного происхождения, позволяет вывести её из круга исторических источников прямой достоверности. А это, в свою очередь, даёт возможность разделить по текстологическим и лингвистическим критериям сопряженные через нарратив рассказы русской летописи об осаде Корсуни и крещении Владимира. Эти события не были связаны изначально, и их взаимосвязь появилась лишь под пером летописца.

Примечания

1. Подсчет А.А. Зализняка отличается от нашего на 2% в сторону роста препозиционного употребления. См.: [1, с. 215].
2. Отмечены только те употребления энклитики *ся*, которые в силу синтаксических характеристик предложения могут располагаться двояким образом, как препозиционно, так и постпозиционно. См. об этом подробнее: [3, с. 57–68].

Список литературы

1. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.
2. Введенский А.М. Лингвистические критерии выявления источников устного происхождения в летописании (на примере расположения энклитики «ся» в тексте ПВЛ) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 50–56.
3. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
4. Вилкул Т.Л. О происхождении «Речи Философа» // *Paleoslavica*. Vol. 20/1. 2012. P. 1–15.
5. Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 4. Л., 1940. С. 9–150.
6. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 203–484.
7. Милютенко Н.И. К вопросу о некоторых источниках «Речи Философа» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., 2004. С. 9–17.
8. Никольский Н.К. К вопросу об источниках летописного сказания о Владимире // Христианское чтение. 1902. С. 89–106.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
10. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. М., 2003. С. 305–379.
11. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XI вв. СПб., 1913. 414 с.
12. Гиппиус А.А. Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь. 2008. № 3 (33). С. 20–23.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки рус. культуры, 1997. 733 с.

THE LEGEND OF KORSUN: WRITTEN AND ORAL

A.M. Vvedensky

The article examines the text of the Legend of Korsun referred to in the Novgorod First Chronicle and the Laurentian Chronicle under 988, focusing on the position of the enclitic *sja*. Based on the different uses of the enclitic *sja*, a hypothesis is put forward about the heterogeneous origin of various parts of the legend.

Keywords: Legend of Korsun, Old Rus', Old Russian chronicles, Primary Chronicle.

References

1. Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 280 s.
2. Vvedenskij A.M. Lingvisticheskie kriterii vyavleniya istochnikov ustnogo proiskhozhdeniya v letopisanii (na primere raspolozheniya enklitiki «sya» v tekste PVL) // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2008. № 4 (34). S. 50–56.
3. Zaliznyak A.A. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. Izd. 3-e, dop. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2008. 480 s.
4. Vilkul T.L. O proiskhozhdenii «Rechi Filosofa» // Paleoslavica. Vol. 20/1. 2012. R. 1–15.
5. Shahmatov A.A. Povest' vremennyh let i ee istochniki // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 4. L., 1940. S. 9–150.
6. Lihachev D.S. Kommentarii // Povest' vremennyh let. Ch. 2. Prilozheniya / Pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. M.; L., 1950. S. 203–484.
7. Milyutenko N.I. K voprosu o nekotoryh istochnikah «Rechi Filosofa» // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 55. SPb., 2004. S. 9–17.
8. Nikol'skij N.K. K voprosu ob istochnikah letopisnogo skazaniya o Vladimire // Hristianskoe chtenie. 1902. S. 89–106.
9. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov. M., L., 1950.
10. Shahmatov A.A. Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira // Istoriya russkogo letopisaniya. T. 1. Kn. 2. M., 2003. S. 305–379.
11. Priselkov M.D. Ocherki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X–XI vv. SPb., 1913. 414 s.
12. Gippius A.A. Kreshchenie Rusi v Povesti vremennyh let: k stratifikacii teksta // Drevnyaya Rus'. 2008. № 3 (33). S. 20–23.
13. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1997. 733 s.